

Цзян Линь, едва заходила речь об учебе, весь преображался, оживляясь. Он с большим удовольствием делился опытом с Ян Сюем:

— На самом деле, нужно просто больше практиковаться и делать выводы, тогда закономерности обязательно проявятся.

Ян Сюй изумленно воскликнул:

— Правда?

— Угу, — Цзян Линь слегка улыбнулся ему. — Поначалу может быть немного сложно, но со временем все наладится. Если что-то будет непонятно — спрашивай меня в любой момент.

Ян Сюй был глубоко тронут:

— Цзян-гэ, ты такой замечательный!

Цзин Хао, который уже успел незаметно отойти от них на добрых четыре-пять шагов, кипел от негодования. Он сжал зубы и процедил, обращаясь к Чэн Бовэню:

— Он что, теперь постоянно такой?

Чэн Бовэнь пожал плечами:

— А что плохого в любви к учебе?

— Я не об этом! — Цзин Хао едва не скрипел зубами. — Посмотри, как он липнет к Цзян Линю! Стоит так близко! Неужели в его голове бродят какие-то странные мысли?

Чэн Бовэнь нарочито язвительным тоном заметил:

— По-моему, это кое-кто другой грезит о странных вещах.

Цзин Хао сверкнул на него глазами:

— Что ты мелешь?

Чэн Бовэнь усмехнулся:

— А ты сам прекрасно знаешь, мелю я или нет.

— Что я должен знать? — Цзин Хао густо покраснел. — Да подумаешь, бывший парень! Мне, Цзин Хао, стоит только захотеть, и кто угодно будет у моих ног. А к таким вот занудным зубрилам я вообще равнодушен!

Чэн Бовэнь про себя подумал: куда уж больше себя выдавать, ты уже сам себя по самые пятки разоблачил. Эмоциональный интеллект брата Хао и правда поражает.

Он с жалостью посоветовал:

— Если нравится — признайся поскорее.

— Да кто влюблен в Цзян Линя! — замахал руками Цзин Хао. — Он красивый, характер хороший, добрый, иногда даже до глупости милый — кто вообще может в него влюбиться?

Чэн Бовэнь:

— ...

Лишь бы тебе было хорошо.

Предлог

Хотя они с Цзян Линем сидели за одной партой и проводили вместе много времени, Цзин Хао этого было мало. История с Ян Сюем стала для его не особо догадливого ума источником внезапного озарения.

Разве так сложно найти предлог для учебы?

Надо просто попросить об этом учителя.

Когда учительница словесности увидела, как Цзин Хао стоит перед ней и смиренно обещает впредь внимательно слушать на уроках и ни за что не нарушать дисциплину, она чуть не выплюнула воду, которую пила.

— Честное слово, учитель, я глубоко осознал свои ошибки. Понял, что мое прежнее безделье на уроках — это ужасно, я буквально прожигал свою жизнь! — Цзин Хао старался придать своим словам вес чистейшего золота. — Так что поверьте мне, учитель, я правда хочу взяться за ум!

Учительница не очень-то поверила, но прямо говорить не стала:

— О, это прекрасно. Надеюсь, на следующей контрольной я увижу результат.

— Но... — Цзин Хао сделал озадаченное лицо. Учительница насторожилась: верно, тут подвох!

— Что ты там мнешься? Говори прямо, не тяни кота за хвост!

Цзин Хао пустил в ход свой план:

— Понимаете, учитель, Цзян Линь так здорово объясняет, мне с ним учиться гораздо легче. Не могли бы вы попросить его чаще помогать мне в свободное время?

Учительница, будучи человеком прямолинейным, удивилась:

— А разве не тебе самому следовало подойти к Цзян Линю с этой просьбой? При чем тут я?

— Но я боюсь, что он откажет, — Цзин Хао прикинулся бедняжкой. — У меня ведь совсем нет способностей к учебе, я такой тугодум.

— Ну ладно, я поговорю с ним, — учительница все же поддалась на уловку. — Но смотри, выбирай время для занятий с умом, не отвлекай его от основной учебы!

Цзин Хао закивал так быстро, словно это был отбивной молоток, про себя ликуя: да я только рад буду заниматься после уроков — это же позволит мне под вполне законным предлогом провожать его до дома и встречать по утрам.

Какой же я, черт возьми, хитрый лис!

Когда сообщение от Юй Байяня пришло на телефон Ло Цина, тот принимал душ.

Сегодня был его день рождения. В прошлый раз Сун Чэнь не смог побыть с ним, но в этот раз выкроил полдня, чтобы побродить вместе по улицам.

На одной из старых улочек поблизости обнаружилась крошечная лавочка, в которой, несмотря на тесноту, продавались довольно необычные вещицы.

Хозяйкой была женщина средних лет, полная энтузиазма; с ярко-красной помадой на губах и в вышитом ципао, она захлеб рассказывала Ло Цину истории о каждой безделушке.

Сун Чэнь не любил бродить по магазинам, как не любил и девчачьи повадки Ло Цина — вечно затаскивать его в такие сомнительные лавки.

Он невольно вспомнил Сяо Яня. Если бы сейчас с ним был Сяо Янь, они наверняка отправились бы в книжный магазин выбирать сборники стихов. От того всегда веяло тонким книжным ароматом, он был возвышенным и далеким, словно небожитель, не ведающий земных забот.

А Ло Цин?

Хотя он тоже учился на филологическом, в нем не было ни капли той утонченности, которая соответствовала бы его нежной внешности. Он всегда был слишком шумным, а порой вел себя совсем как ребенок.

Совсем другой.

Если бы не лицо, разве смог бы он воспринимать его как замену Сяо Яню?

Ведь они были так непохожи.

Его Сяо Янь был единственным и неповторимым.

Что же до этой «замены», то, как представится случай, пора будет присмотреть кого-нибудь нового. Ло Цин выслушал целую гору историй, но в конце концов его взгляд привлекла пара колец, от которых он уже не мог оторваться.

По легенде, стоило влюбленным надеть их, как это гарантировало им неземную любовь на всю жизнь, неразрывную связь и долгие годы вместе.

Ло Цин без колебаний купил их.

Он хотел подарить одно Сун Чэню.

На самом деле Юй Байянь задавал вопросы очень уклончиво — в основном о том, как Ло Цин поживал все эти годы, и тому подобное, — но это вызвало у Сун Чэня крайнее недовольство.

С каких это пор у него появились такие друзья?

Что за околосемная птица!

Сун Чэнь совсем не знал, с какими людьми обычно общается Ло Цин — будь то соседи по комнате или друзья. Если вдуматься, единственным их соприкосновением был тот случай, когда Ло Цин заболел. Среди ночи у него внезапно поднялась высокая температура, и перед

тем как потерять сознание, он позвонил Сун Чэню, но тот совершенно не принял это всерьез: если бы ему действительно было так плохо, как он говорил, откуда у него взялись бы силы звонить? Ему следовало вызывать скорую.

Ло Цин позвонил еще раз, и в его голосе уже слышались слезы: Мне так плохо, навести меня, пожалуйста, хорошо?

У Сун Чэня не хватило терпения, он просто сбросил вызов и перевел телефон в беззвучный режим.

Примерно через полтора часа он снова включил его и обнаружил больше десятка пропущенных вызовов и одно текстовое сообщение:

У моего сокурсника температура сорок градусов, возможно, он перепутал номер. Прошу прощения за неудобства, вызванные ошибочным звонком.

Тогда они еще недолго состояли в отношениях, и Сун Чэнь запрещал Ло Цину сохранять его номер в телефоне, чтобы не привлекать внимания какими-нибудь дурацкими пометками. Ло Цин, казалось, решил, что Сун Чэнь хочет устроить ему проверку, с готовностью согласился и выучил номер наизусть. Иными словами, находясь в бреду от высокой температуры, человеком, на которого он захотел опереться в первую очередь, был именно Сун Чэнь.

В душе Сун Чэня шевельнулось извращенное удовлетворение: ему почти не пришлось прилагать усилий, чтобы обвести человека вокруг пальца, а если отнестись к нему чуть лучше, кто знает, как преданно тот стал бы заглядывать ему в рот.

Он вовсе не жалел Ло Цина — тот изначально рассматривался им лишь как замена. Ло Цин — не Сяо Янь, и ему нечего даже мечтать о том, чтобы получить ту любовь, которую Сун Чэнь испытывал к Сяо Янь.

Но никому не претит ощущение, что его любят. Стоило лишь проявить немного фальшивой заботы, как взамен получаешь послушную и красивую замену — Сун Чэнь умел считать выгоду.

До чего же хитер был Сун Чэнь! Он наспех придумал пару отговорок и замаял историю со звонком, после чего последовало около недели утешений и внимания. Сун Чэнь тогда потратил на это все свое терпение: чистил ему фрукты, носил еду, даже оставался сидеть с ним в больнице и, обняв Ло Цина, рассказывал ему сказки. Ло Цин был тронут до слёз и вскоре отдался ему.

Тело юноши было поистине соблазнительным — белое и гладкое, словно молоко, а затуманенный страстью розоватый профиль с глазами на мокром месте до боли напоминал Сяо Яня.

После всего он погладил вспотевшую щеку Ло Цина: поистине прекрасная замена.

Дилинь!

Звук входящего сообщения вырвал Сун Чэня из воспоминаний и вернул в реальность. Он взглянул на экран — сообщение снова пришло с того же номера:

Сяо Цин, когда у тебя будет время, мы можем встретиться?

Если прежде Сун Чэнь просто испытывал легкое раздражение, то теперь, увидев это сообщение, он вспыхнул от злости.

Цк, Сяо Цин... Что за тупица, с чего это он так фамильярно обращается?

Ло Цин всё ещё мылся в ванной и понятия не имел, что произошло.

Сун Чэня снедало жгучее подозрение насчет личности этого человека: какие же отношения связывали его с Ло Цингом?

Словно поддавшись наваждению, он ответил:

С какой стати мне с тобой встречаться?

На том конце ответили мгновенно:

Сяо Цин, я знаю, что ты всё ещё сердишься из-за того, что случилось в прошлом. Я могу всё объяснить, просто дай мне шанс.

Все эти годы я только и думал о тебе. Огромный объем информации и эта последняя двусмысленная фраза заставили Сун Чэня пуститься в самые разные домыслы. Неужели это бывший парень?

Он со злостью ударил кулаком по журнальному столику. Каким бы ни было отношение самого Сун Чэня к Ло Цину, по крайней мере, для Ло Цина они были парой — с какой стати какому-то выскочке лезть в их отношения?

Не успел он толком разозлиться, как оттуда прилетело еще одно сообщение:

Малыш Цин, я слышал, ты до сих пор одинок. Мы были так близки, неужели ты... тоже не можешь меня забыть?

Одинок? Прекрасно! Глаза Сун Чэня мгновенно налились кровью и стали жуткими. Ах ты, Ло Цин, состоя со мной в отношениях, ты до сих пор путаешься с другими мужиками! И правда, я слишком баловал тебя!

Он яростно застучал по экрану, набирая длинный текст в ответ на сообщение собеседника: да я сейчас же посмотрю, что это за выскочка такая!

Его вкус

В один прекрасный день учитель словесности заговорил о текущих делах с классным руководителем и между делом упомянул Цзин Хао. Дескать, этот мальчик, должно быть, наконец поумнел, раз сам взялся за учебу да еще и обращается за советом к Цзян Линю — люди ведь и правда со временем меняются, и все в таком духе. Учитель Гуан так дернул рукой, что безнадежно испортил целую страницу конспекта.

— Что он у тебя спрашивал?— Говорил так искренне! — произнесла учительница словесности. — Все эти разговоры про то, что он встал на путь исправления и намерен серьезно взяться за учебу... Этот ребенок тоже хорош: обычно с виду ничего не боится, а душа на самом деле такая тонкая. Еще испереживался, что Цзян Линь посмотрит на него свысока и не станет ничего объяснять, и попросил меня замолвить словечко!

— И ты замолвила?

— Конечно! — учительница лучезарно улыбнулась. — Раз уж он наконец решил взяться за ум, наш долг как преподавателей — изо всех сил ему помочь.

Только вот вы понятия не имеете, что у него на уме. Боюсь, учиться у него вовсе не в планах, зато роман с Цзян Линем крутить — в самый раз.

Учитель Гуан чувствовал, как от этой головной боли распухает вся голова, но, заметив наивно-радостный взгляд коллеги, которая искренне верила, что совершила доброе дело, так и не смог решиться разрушить ее иллюзии. Он утешил себя самообманом: быть может, он и вправду зря нагоняет тучи, а к следующему экзамену, стоит хоть чьим-то оценкам упасть, он просто рассадит их по разным местам!

На перемене Цзин Хао смотрел короткое видео.

Снято оно было из рук вон плохо, камера постоянно тряслась, игра двух начинающих актеров выглядела донельзя неловко, однако Цзин Хао благодаря собственной бурной фантазии умудрился разглядеть в этом настоящий блокбастер.

— Хао-гэ, чего это ты так уставился? — Ян Сюй подсел к нему и, вытянув шею, заглянул в экран. — Только не говори, что порнуху смотришь!

— Пошел ты! — Цзин Хао шлепнул его по макушке. — Самое обычное видео.

Ян Сюй заладил, что непременно хочет взглянуть сам. Не найдя выхода, Цзин Хао сунул ему телефон.

После просмотра лицо Ян Сюя сделалось крайне выразительным, но неопределенным. Он протянул руку и тронул Цзин Хао за голову:

— Хао-гэ, ты в порядке? Какая-то младшеклассница завязывает пионерский галстук — и тебя от этого уже так и распирает от романтических чувств?

— Чушь собачья! — Цзин Хао выхватил телефон обратно. — Разве тебе не кажется это трогательным?

Ян Сюй: «...»

— И какой толк от твоей трогательности? Ты что, тоже побежишь завязывать красный галстук, чтобы Цзян-гэ тебе помог?

Пропустив мимо ушей упоминание Цзян-гэ, Цзин Хао вдруг словно о чем-то вспомнил и сунул телефон обратно Ян Сюю:

— Эй, отнеси-ка его на место, у меня тут кое-какие дела.

Вернувшись, Цзин Хао выглядел так, будто пережил настоящее наводнение: пряди волос промокли и сбились вместе, на школьной форме красовались огромные мокрые пятна, а с рук всё еще капала вода, когда он плелся к своему сидению.

Ян Сюй ничего не понял и принялся жаловаться Чэн Бовэню:

— Я всё меньше понимаю Хао-гэ, ума не приложу, чего ему каждый день взбредает в голову. Посмотри на его одежду, как его угораздило так вымокнуть? Пойду помогу ему привести себя в порядок!

— Не ходи! — Чэн Бовэнь удержал его за рукав. — Ты лучше приглядишься. Ян Сюй недоуменно посмотрел в их сторону. На кончике носа Цзин Хао все еще дрожала капля воды. Тот что-то сказал Цзян Линю, после чего Цзян Линь поднялся и аккуратно закатал ему рукава, обнажая белые изящные руки, — сначала левый, потом правый.

— ...

Чэн Бовэнь многозначительно спросил:

— Теперь понял?

— ...

Не успел Ян Сюй прийти в себя, как Цзин Хао и Цзян Линь один за другим вышли из класса. Шедший впереди Цзин Хао даже бросил им многозначительный взгляд — красовался вовсю.

Цзян Линь пошел за ним в туалет и, снимая свою школьную куртку, спросил:

— Как ты так промок?

Цзин Хао с совершенно невозмутимым видом сморозил глупость:

— Кран, видимо, сломался. Я только открыл его, а оттуда как брызнет!

— Одежда насквозь мокрая, скорей переодевайся, а то простудишься, — Цзян Линь держал куртку и с удивлением посмотрел на него. — И вообще... почему у тебя под низом ничего нет?

Цзин Хао, который только что сбросил свою форму и выкинул ее прямо в мусорное ведро, оставался спокоен как танк:

— Слишком жарко.

Молния на его школьной куртке уже была расстегнута наполовину, обнажая упругую грудь. Он словно бы невзначай подался ближе к Цзян Линю, ненавязчиво демонстрируя отличную фигуру.

Цзян Линь отвернулся:

— Переодевайся, а я пойду обратно.

Глядя на его слегка покрасневшие щеки, Цзин Хао почувствовал, как сам начинает гореть, и сбивчиво пробормотал слова благодарности.

Он надел куртку Цзян Линя. Она сидела плотно по фигуре и хранила его едва уловимый тонкий запах — казалось, будто он сжимает Цзян Линя в объятиях.

Этот хитрый ход явно того стоил!

Надев одежду Цзян Линя и глядя на самого Цзян Линя, Цзин Хао ощущал себя настоящим победителем по жизни.

На перемене он уткнулся лицом в скрещенные на столе руки, устроив себе уютное гнездышко. Все вокруг было пропитано ароматом Цзян Линя.

Ах, какое блаженство!

Так как он нарочно намочил одежду слишком сильно, к полудню она так и не высохла. Цзян Линю было неловко просить свою куртку обратно, поэтому он лишь сказал, что заберет мокрую форму Цзин Хао в пакете домой — все равно олимпийка нужна была только для того, чтобы пройти через школьные ворота.

«Цзян Линь будет носить мою одежду! Цзян Линь надел мою одежду!» — от одной мысли об этом Цзин Хао накрыло волной невероятного счастья. Необъяснимая радость безудержно захлестнула его, и щеки снова вспыхнули густым румянцем. — Тогда я поеду за тобой, — Цзин Хао чувствовал, что они уже достаточно сблизились. — Пусть это будет в знак благодарности.

Цзян Линь не стал отказываться: сколь бы толстокожим он ни был, всё равно ощущал знаки внимания, которые Цзин Хао оказывал ему в последние дни, да и завести друга казалось неплохой идеей.

Уйдя от Цзян Линя, Цзин Хао с самодовольным видом принялся расхаживать туда-сюда перед Ян Сюем и Чэн Бовэнем: — Быстро смотрите, что во мне изменилось!

Ян Сюй: — Стал ещё более наглым?

— Проваливай! — Цзин Хао с сияющими глазами посмотрел на Чэн Бовэнь.

Чэн Бовэнь прищурился: — Одежда маловата?

Цзин Хао щелкнул пальцами: — Сообразительно!

Еще бы, когда натягиваешь на себя вещь в обтяжку и нарочно задираешь рукава до самых плеч, только такой тупица, как Ян Сюй, мог этого не заметить.

Затем Ян Сюй и Чэн Бовэнь во все глаза наблюдали, как он с восторженным видом принялся оглаживать свою одежду: — Это Цзян Линя.

Ян Сюй: — ...

Чэн Бовэнь: — Хэ-хэ.

Всю дорогу он как зачарованный гладил одежду, словно потерявший рассудок извращенец, занимающийся самоудовлетворением. Ян Сюй больше не мог выносить странных и любопытных взглядов прохожих и не выдержал: — Братец Хао, ты не мог бы хоть немного себя контролировать и поберечь свою репутацию?

Цзин Хао провел тонкими пальцами по молнии: — Что со мной не так?

— У тебя на лице написано всё то непристойное вожделение, что ты испытываешь к брату Цзяну!

Цзин Хао: — ...

— Да что ты несешь! — Цзин Хао слегка кашлянул. — Это он вообще-то меня любит, а я к нему ничего такого не испытываю.

Ян Сюй презрительно хмыкнул: — Тогда почему ты покраснел?

Цзин Хао возразил: — Ничего подобного!

— Ты сначала руку с молнии убери, а потом говори. — Ян Сюй никак не мог избавиться от своей привычки совать нос в чужие дела: — Ты думаешь, сейчас твоя физиономия влюбленной девчонки выглядит убедительно?

Он повернулся и приподнял подбородок: — Старый Чэн, ты веришь?

Чэн Бовэнь развел руками, не выражая определенного мнения.

— Да с чего бы мне его любить! — усердно оправдывался Цзин Хао. — Раньше мы просто так общались, но хороший скакун не возвращается к пастбищу!

С тех пор как отношения с Цзян Линем наладились, Ян Сюй подсознательно встал на его сторону, и теперь, услышав такое, тоже завелся: — Ты правда его не любишь?

Цзин Хао упрямо стоял на своем: — Не люблю!

— Сам напросился!

Ян Сюй прямо открыл рюкзак и протянул ему стопку розово-зеленых конвертов: — Тогда

отвезешь это брату Цзяну во второй половине дня.

— Что это?

— Любовные письма, — ответил Ян Сюй. — Хорошо еще, что я додумался перехватить их все. Тебе-то они без надобности, так что помочь доставить — пара пустяков, верно?

Цзин Хао: — ...

Тяжелая папка писем лежала в руке, и Цзин Хао, казалось, физически ощутил всю тяжесть «любви». Исходивший от них легкий аромат не вызывал у него ни малейшей радости, скорее уж резлил в носу.

Ему и раньше доводилось получать любовные послания, но он обычно даже не заглядывал в них, сразу отправляя в мусорное ведро, а сейчас вдруг проснулось жгучее любопытство.

[Брат Цзян Линь, хоть я видела тебя всего три раза, ты, возможно, и не помнишь меня...]

Увидела три раза — и уже посмела говорить о любви, легкомыслие какое!

[Среди миллионов людей встретить того, кого должен встретить, среди миллионов лет ожидать тебя. Сегодня — еще один день, когда я изо всех сил стараюсь полюбить тебя, ты — мой апрельский день в этом мире...]

Апрельский день, майский день — всё без толку! Что за бред из молодежной литературы, откуда вы это списали, думаете, тут конкурс детских и юношеских стихов проводится?!

[Я очень глупа, не умею выражать свои чувства к тебе...]

Чем дольше Цзин Хао читал, тем сильнее злился: раз не умеешь, так и не выражай!

Там еще обнаружилось письмо с совершенно уродливым почерком, от которого у Цзин Хао заболели глаза, и лишь спустя долгое время он смог разобрать фразу: «У гор есть деревья, а у деревьев ветви, и сердце мое любит тебя, о чем ты не знаешь».

Бросив быстрый взгляд на содержание, он убедился: парень, само собой!

Черт! Да он всех подряд охмуряет — и парней, и девушек!

Набравшись терпения, Цзин Хао дочитал любовные послания до конца. От приторно-сладких признаний — то слишком вычурных, то прямолинейных — у него едва не подскочил уровень сахара в крови. Ему безумно хотелось уничтожить их все, чтобы они не оскорбляли глаз Цзян Линя, но поступить так по-настоящему он не мог. В гневе он стукнул себя по голове, да так сильно, что схватился за макушку и закрутился по полу, издавая жалобные вопли.

Вдруг его внимание привлек светло-голубой лист бумаги на полу — видимо, выпал только что. Мать твою, еще одно забыли!

Раз уж он и так натерпелся столько отравы, парой строчек больше, парой меньше — неважно. С такими мыслями Цзин Хао медленно развернул листок, и от первой же строки у него застыла в жилах кровь:

Цзян Линь, это я, Цзя Цзя.

Все говорят, что в письмах можно выразить чувства, которые не передать словами, поэтому я тоже решила написать тебе и попросила кое-кого передать его, словно почтальон достал письмо из зеленого почтового ящика и доставил его тебе.

Цзин Хао цыкнул языком: не занимаешься нормально своей музыкой, а придури всякой полно!

<http://bllate.org/book/20916/2115509>